

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-294-313

УДК. 821.161.1

«Селение Винчи» Д.С. Мережковского: из творческой истории романа о Леонардо*

© 2018, А.А. Холиков

Аннотация: В числе публикаций Д.С. Мережковского, которые не входили в прижизненные авторские сборники и собрания сочинений, — малоизвестный очерк «Селение Винчи», написанный во время совместного путешествия автора с З.Н. Гиппиус и А.Л. Вольнским «по следам Леонардо да Винчи» весной 1896 г. Он занимает промежуточное положение между художественными текстами писателя (автобиографический потенциал которых действительно велик, но его извлечение в каждом случае требует осторожности) и его документальным наследием (по большей части эпистолярным). Но главное — этот текст никогда не перепечатывался и не снабжался научно-справочным аппаратом. Он представляет ценность не только с биографической точки зрения (сопоставление с ним других сохранившихся эго-документов, среди которых — воспоминания о поездке, оставленные спутниками Мережковского, значимо выявляемыми умолчаниями, неточностями, разной степенью детализации), но и в текстологическом отношении, для изучения творческой истории второй части трилогии «Христос и Антихрист». Очерк «Селение Винчи» печатается нами по первому и единственному изданию: *Cosmopolis*. 1897. № 2. С. 94–106. С подзаголовком «Из путевого дневника» и примечанием редакции: «Этот отрывок из дневника относится к подготовительным работам автора для будущего его романа, из жизни Леонардо да Винчи. Он дает тон картины, на которой должна быть изображена юность этого героя Возрождения». Публикуемый очерк и примечания к нему войдут в состав малого научного «Собрания сочинений» Д.С. Мережковского в 20 томах.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, А.Л. Вольнский, «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», автобиографическая проза, творческая история текста.

Информация об авторе: Алексей Александрович Холиков, доктор филологических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: aakholikov@gmail.com.

Цитирование: Холиков А.А. «Селение Винчи» Д.С. Мережковского: из творческой истории романа о Леонардо // Литературный факт. 2018. № 9. С. 294–313.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-04-00553 «Подготовка первой части коллективной монографии “Летопись жизни и творчества Д.С. Мережковского (1865—1941 гг.)”».

Д.С. Мережковский никогда не питал страсть к созданию дневниковой или мемуарной прозы (в отличие от своей жены, З.Н. Гиппиус). Лучшей автобиографией, о чем нам уже приходилось говорить, он считал собственные произведения¹. Из числа эго-документов исследователям, как правило, остается довольствоваться его «Автобиографической заметкой»² и немногочисленными записными книжками³. Промежуточное положение между художественными текстами (автобиографический потенциал которых действительно велик, но его извлечение в каждом случае требует осторожности) и документальным наследием писателя (по большей части эпистолярным⁴) занимают путевые очерки⁵. Помня о том, что путешествия были неотъемлемой частью жизни Мережковского («Не знаю, как другие, — писал он еще в гимназическом сочинении за пятый класс, — но я нахожу в путешествии какую-то оригинальную, совершенно-своеобразную прелесть и поэзию. Когда я смотрю на паровоз, который с головокружительной быстротой исчезает в далеком, таинственном тумане, когда я слежу взором за кораблем, который торжественно и величаво удаляется в лазурную даль вод, — я невольно забываюсь и мчусь за ними прилежной думой»)⁶, удивляешься, почему путевые очерки как жанр не получили широкого распространения в творчестве писателя, который стремился непременно побывать в местах, где разворачивалось действие его произведений, «видеть и ощущать тот воздух и ту природу»⁷. Наиболее известный из них — «Флоренция и Афины (Путевые воспоминания)» (Наше время. 1893. № 32, 21 нояб. С. 518–519; № 33, 28 нояб. С. 539–540; № 34, 5 дек.

¹ Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб., 2014. С. 110.

² Она предназначалась для издания «Русская литература XX века (1890–1910)» (под ред. С.А. Венгерова), но впервые была опубликована в газете «Русское слово» (1913. № 65, 19 марта). Вошла также в состав «Полного собрания сочинений» Д.С. Мережковского в 24 т. (М., 1914. Т. 24. С. 107–116). См. подробно: Холиков А.А. «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д.С. Мережковского // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57. Р. 11–25.

³ См.: Записные книжки и письма Д.С. Мережковского / Публ. Е.А. Андрущенко, Л.Г. Фризмана // Русская речь. 1993. № 4. С. 30–35; № 5. С. 25–40; Мережковский Д.С. Записная книжка. 1919–1920 // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николокина. СПб., 2001. С. 53–81.

⁴ Холиков А.А. Эпистолярное и связанное с ним наследие Д.С. Мережковского (материалы к библиографии) // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М., 2018. С. 565–571.

⁵ Особую сферу представляют многочисленные автобиографические вкрапления в литературно-критические и публицистические тексты Мережковского, но это — тема отдельного исследования.

⁶ РО ИРЛИ. № 24. 360 (б). Л. 11–11 об.

⁷ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 61.

С. 552–553); с изменениями вошел в сборник «Вечные спутники» под заглавием «Акрополь». В том же ряду — очерк о поездке в Константинополь «Св. София» (Русское слово. 1905. № 217, 12 авг.), включенный в сборник статей «Грядущий Хам» (1906), и менее востребованный (если не сказать — «забытый») текст — «Селение Винчи (Из путевого дневника)» (Cosmopolis. 1897. № 2. С. 94–106). Он не включался автором в прижизненные книги статей, «полные» собрания сочинений и никогда не републиковался после его смерти. Между тем «Селение Винчи» представляет ценность не только с биографической, но и текстологической точки зрения, как подготовительная работа для второй части трилогии «Христос и Антихрист», посвященной Леонардо да Винчи.

Известно, что 2 февраля 1895 г. историк А.В. Половцов полубоыпытствовал у Мережковского, как идет сбор материалов для романа о Леонардо. «Я постепенно собираю, — ответил писатель, — но совсем не спеша. <...> Для соби́рания материалов я побываю во Флоренции, Милане, потом в <пропуск в рукописи. — А.С.> [примеч. А.Л. Соболева, опубликовавшего этот дневниковый фрагмент. — А.Х.], где Леонардо умер и наконец в Париже, в Лувре, где масса его произведений, особенно рисунков. Но писать в Италии я не буду ни одной строчки: это совершенно невозможно»⁸. Мережковский считал, что обстановка должна противодействовать творчеству, не иметь с ним ничего общего: «Это довольно трудно объяснить, но это так. Вы можете воскресить в вас самих древний мир, быт, вообще исторический момент, настроение только — если снаружи не получаете никаких в чем-нибудь совпадающих с этими настроениями впечатлений. Так в Италии новейшие наслоения, смешивающиеся с остатком прежнего, были бы постоянною помехою»⁹. Однако же, судя по авторскому указанию в конце «Селения Винчи» («Флоренция 1896»), этот очерк был написан именно в Италии.

В путешествие «по следам Леонардо да Винчи» Мережковские отправились весной 1896 г. Впоследствии Гиппиус вспоминала: «Флексер (наст. фам. А.Л. Вольнского. — А.Х.), с которым в это время мы были в дружеских отношениях, поехал с нами. Не помню, как это устроилось, но знаю, что раньше он никогда не был в Италии, ни вообще за границей. О задуманном романе Д<митрия> С<ерегееви>ча он, конечно, знал. В его журнале, однако, мы не были постоянными сотрудниками, я там печатала лишь изредка стихи, да,

⁸ Цит. по: *Соболев А.Л.* Д.С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 45.

⁹ Там же.

кажется, один или два рассказа. Но Д<митрий> С<ергеевич>, конечно, надеялся там напечатать будущего “Леонардо”»¹⁰. Незадолго до того, в 1895 г., при поддержке Волынского на страницах «Северного вестника» появился «Отверженный» («Юлиан Отступник») — первая часть будущей трилогии «Христос и Антихрист». Однако во время совместного итальянского путешествия Волынский сам заинтересовался Леонардо да Винчи и вскоре опубликовал в журнале собственную серию статей о нем (см.: Северный вестник. 1897. № 9–12; 1898. № 1–5; отд. изд.: *Волынский А.Л.* Леонардо да Винчи. [СПб.]: Изд. А.Ф. Маркса, [1899]), а вдобавок без предупреждения исключил имена Мережковских из списка сотрудников «Северного вестника». «Смердяковская у него сущность»¹¹, — возмущался таким поступком Мережковский, будучи убежден, что Волынский воспользовался его материалами для своего исследования. В итоге первые главы романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» вышли в журнале «Начало» (1899. № 1–4), а полностью произведение увидело свет в «Мире Божьем» за 1900 г. (№ 1–12).

Волынский, как следует из мемуаров Гиппиус, оставался с Мережковскими «только в главных городах, во Флоренции, в Риме и в Неаполе»¹². «Из Флоренции, — как утверждает, — он тогда вернулся в Россию, а мы отправились по всяким маленьким городкам, как ехал Франциск I с Леонардо...»¹³. В письме к П.П. Перцову Мережковский сообщал: «Во Флоренции мы остаемся до 18 или 20 [апреля. — А.Х.] (по русскому стилю). <...> Из Флоренции мы выедем около 20 числа и отправимся в путешествие по берегу Адриатического моря — по Романьи. Потом около 1 мая будем в Милане»¹⁴. Побывав в Фаэнци, Форли, Римини, Пезаро, Урбино, Равенне, Мантуе, Павии, Симплоне, Мережковские заехали во французский Амбуаз, где Леонардо да Винчи умер.

В селение Винчи, посещение которого описано в одноименном очерке, Мережковский приехал 5 апреля 1896 г., о чем восторженно, но без подробностей сообщал в письме Перцову на следующий же день: «Вчера я был в селеньи Винчи, где родился и провел детство Леонардо да Винчи. Я посетил его домик, который принадлежит теперь бедным поселянам. Я ходил по окрестным горам, где

¹⁰ *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 70.

¹¹ Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М.Ю. Кореньевой // Русская литература. 1991. № 2. С. 172.

¹² *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 70.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову. С. 161.

в первый раз <он> увидел Божий мир. Если бы Вы знали, как все это прекрасно, близко нам русским, просто и нужно»¹⁵.

Чуть более развернуто спустя почти полвека посещение Винчи воссоздает по памяти Гиппиус: «Остановились в маленьком городке около Флоренции, откуда путь, уже не железнодорожный, в местечко около Монте-Альбано, где находится деревушка Винчи. Этот путь мы совершили дважды; второй раз с профессором Уциелли, тогдашним знатоком Леонардо. В этой деревушке сохранился домик, где жили (в то время) потомки семьи Леонардо, рыжебородые крестьяне, и даже чудом сохранился старинный камин, на который нам с торжеством указывал Уциелли. Мы с ним пешком перешли через гору Альбано — в другую долину, где находится другой городок, откуда уж и вернулись во Флоренцию. Гора Альбано — лесистая; молодые дубки (это было в мае) еще не потеряли прошлогодних листьев, из-под них пробивались новые. На этой горе (Белой — Albano), названной так неспроста, мы видели то, чего, кажется, нигде больше видеть нельзя, — белую землянику. Рассказы о ней мы считали выдумкой, пока не собрали ее собственными руками (и во Флоренцию даже привезли). Спелые ягоды, не бледные, не зеленоватые, а снежно-белые, с розоватыми крапинками-семечками, как на землянике. Кроме цвета, — от земляники самой обычной, лесной, она и не отличается. Нас уверяли, что на Monte Albano водятся и белые дрозды... но их мы не видали. Странная, однако, гора!»¹⁶

Третий участник этого путешествия тоже оставил мемуарное свидетельство, с которого начинается его исследование о Леонардо да Винчи. «4-го апреля 1896 г., — пишет Вольтинский, — в светлый солнечный день, я подъезжал к Анкиано, месту рождения Леонардо да Винчи. Анкиано — это небольшое селение, вблизи от городка Винчи, у подножия Альбанских гор. Сев в вагон железной дороги во Флоренции, я вышел в Эмполи, а оттуда до Винчи приходилось ехать на лошадях, в оригинальной повозке под балдахином. Передохнув в Винчи, я направился в Анкиано, нетерпеливо ожидая впечатлений от этого малопосещаемого, но многозначительного для искусства угла Италии. Со мною ехал один из видных обывателей Винчи, интеллигентный итальянец средних лет, Роберто Мартелли, который неумолчно говорил мне о Леонардо да Винчи. Под его наблюдением находят разные бумаги, манускрипты и редкостные сочинения, относящиеся к великому художнику. Он знаком с Уциелли и является живым посредником между Анкиано и его немногочисленными

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. С. 71.

посетителями. Наша повозка неторопливо поднималась в гору. Горы теснились по сторонам, суживая горизонт. Иногда Мартелли, как бы проверяя знания иностранца, заговаривал о какой-нибудь подробности из жизни Леонардо да Винчи и, получив реплику, оживлялся, делал летучие обобщения, пояснял давно прошедшую эпоху примерами из современного быта. Дорога, обсаженная деревьями, проходила полями, и мой спутник рассыпал местные словца и наименования окружающих растений, описывал их цвет и плоды...

В Анкиано я пробыл почти целый день, остановившись в том самом старинном домике, где, по преданию, родился великий маг XV–XVI вв. Я поднимался на горы, дышал холодным ветряным воздухом Монте-Альбано и с головокружительным упоением смотрел на расстилающийся оттуда горизонт Тосканы, с сверкающим во мгле шпилем винчианской башни. По мере подъема долина точно убегала вдаль, сначала медленно, неуловимо, — потом, на каком-то повороте, внезапно развернулась во всю ширь и слилась с смутной, чуть заметной синевой далекого моря. Маленькое, чуть белеющее гнездо — Винчи — расплылось в дымном отдалении, а Анкиано, с его несколькими убогими постройками, совсем скрылось из глаз. На вершине горы холодный ветер свистал в ушах и рвал платье. Я думал о том, что такой же грандиозный, суровый горизонт, с темнеющими горами и бледными, мглистыми далями, расстился и перед молодым Леонардо, которому суждено было в этих местах впервые увидеть великолепие и безбрежность божьего мира. Здесь, в Анкиано, он воспринял те первые впечатления, которые возбудили его широкую любознательность, его неугомонную потребность носиться холодным и подвижным, как ветер, умом над тайнами безграничной природы. Чем больше я вникаю в произведения Леонардо да Винчи, тем больше улавливаю внутреннее родство его души и этих подавляющих пространств, в которых почти пропадает крошечное Анкиано»¹⁷.

Между тем наиболее объемно и подробно поездка на родину художника воссоздана в очерке Мережковского «Селение Винчи». Сопоставление с ним процитированных текстов (письма самого автора и мемуарных фрагментов двух его спутников), разумеется, любопытно выявляемыми умолчаниями, неточностями, разной степенью детализации. Но при этом не утрачивается и его самостоятельная ценность как одного из претекстов того художественного произведения, над которым писатель трудился.

¹⁷ *Волинский А.Л.* Леонардо да Винчи. [СПб.]: Изд. А.Ф. Маркса, [1899]. С. 3–4.

Очерк «Селение Винчи» печатается нами по первому и единственному изданию: *Cosmopolis*. 1897. № 2. С. 94–106. С подзаголовком «Из путевого дневника» и примечанием редакции: «Этот отрывок из дневника относится к подготовительным работам автора для будущего его романа, из жизни Леонардо да Винчи. Он дает тон картины, на которой должна быть изображена юность этого героя Возрождения».

Д.С. Мережковский

СЕЛЕНИЕ ВИНЧИ

Подготовка текста и примечания А.А. Холикова

Во Флоренции я познакомился с профессором Густаво Уциелли (*Gustavo Uzielli*), автором знаменитых “*Ricerche intorno a Leonardo da Vinci*”. Я интересовался всем, что касается Леонардо да Винчи и собирался посетить его родное селение.

Судя по строгой серьезности сочинений Уциелли, я ожидал найти в нем некоторую неизбежную сухость, схоластичность, сумрачность ученого. Я даже не был уверен, откликнется ли он на письмо неведомого человека полуневедомой страны, хотя в этом письме говорилось с большой любовью о том, что он любил.

Сомнения мои быстро рассеялись. На другой же день **ко мне** в комнату стремительно вошел сам профессор. Невысокий, плотный, даже полный, с коротко подстриженными седыми волосами и бородкой, — он чисто итальянской живостью, быстротой движений и говорливостью напоминает скорее юношу, чем шестидесятилетнего ученого. Он прекрасно, хотя не без акцента, говорит по-французски. Через минуту мне казалось, что мы уже давно знакомы. Уциелли был неистощим. Он повествовал сразу и о Леонардо, и о Тосканелли, которым отдал жизнь, рассказывал и о своих собственных «философских» взглядах на жизнь, и о политике, которую очень интересовался, к моему крайнему удивлению.

Через три дня, накануне отъезда в Винчи, я был у профессора. Вилла, где он живет, — за городскими воротами, на дороге к *piazza Michel Angelo*. Эта дорога похожа на длинную, тенистую аллею великолепного сада. От ворот к вилле, стоящей в глубине, надо

еще подниматься. Дом очень прост. Большие, высокие комнаты, немало пустые, смотрящие холодновато и строго. Кабинет Уциелли замечателен по своему особому, высшему изяществу: громадная угловая комната, много окон без занавесей, никакой мебели, кроме нескольких длинных некрашенных столов с книгами. Книги всюду, книги закрывают стены до потолка. Это, как сказал Уциелли, только то, что касается его главных работ — о Тосканелли и Винчи. У профессора есть другой кабинет, меньше, где библиотека не так однообразна, но, быть может, не так драгоценна.

Профессор дома был еще живее и моложавее. Он говорил без умолку и курил черные итальянские сигары, недоступные человеку к ним непривыкшему. Узнав, что я еду в Винчи, — Уциелли немедленно принес мне толстую тетрадь в переплете и альбом с рисунками карандашом.

— А! Вы едете в Винчи! Я там прожил несколько месяцев. Это было очень давно... Мы жили там с товарищем, художником... Он делал эскизы, мы писали дневник. Глупости разные, знаете... Мы были молоды, веселы.

Рисунки мне не очень понравились. Они показались мне сделанными небрежно и лениво, и, сколько я ни смотрел, — Винчи оставалось для меня, по-прежнему, далеким и непонятным.

— Я думаю, много перемен теперь в Винчи... Хотел бы я опять там побывать...

— Ведь это так близко, отчего вы не съездите? Пойдемте завтра вместе...

— Нет, что ж... Занятия... Да и разве близко? Полдня езды.

Уциелли дал мне карточку к своему «другу», синьору Мартелли, синдикку в Винчи. Я расспросил о практических подробностях путешествия и собирался уходить, когда Уциелли воскликнул.

— А вы на моем балконе еще не были! Посмотрите, какой у нас вид!

Мы вышли на балкон. Апрельский день был свеж и солнечен, хотя большие, белые облака порою наплывали на солнце, и тени от них, как от крыльев громадной пролетающей птицы, бежали по долине. И только это придавало иногда мгновенную тревожность величию и спокойствию долины. Флоренция, маленькая, вся одноцветная, черно-серая, под аметистовым туманом солнца, казалась не городом, — собранием отдельных домов, а цельным, живым существом. Остро и легко поднималась едва различимая, такая же темная, башня Палаццо Веккио. Ни одного яркого пятна, нигде не горело золото креста. Только по долине, скрываясь в тихой Флоренции,

и опять выходя из-за черных древесных сений Кащины, вился Арно, неподвижный, ослепительный, как жидкий свинец. Сизая мгла сгушалась над ним и прятала его отдаленнейшие извивы, которые уходили к лиловым, чуть видимым, очертаниям холмов и гор. И указывая на этот единственный в мире горизонт, профессор сказал:

— Вон там... Там Винчи...

Я смотрел, силясь что-то увидеть, и видел все то же небо с фиолетовыми краями, мглу и солнечный дым. Но я был рад, что там Винчи и завтра я его увижу. А в голосе профессора мне в эту минуту почудилась неожиданная, неуловимая печаль.

На другой день, часов около двенадцати, я и двое моих спутников подъехали в медленном поезде-омнибусе к небольшому городку. Отсюда уже надо было взять экипаж, чтобы попасть в Винчи. Кондуктор бежал вдоль вагонов, срыву отворяя дверцы купе, и кричал с обычным понижением голоса на кварту и переходом в полтона: “Empoli — Empoli! Empoli — Empoli!”

Я знал, что Эмполи, благодаря отсутствию достопримечательностей, свободен от англичан, и с особой радостью вышел из вагона.

На площадке перед вокзалом нас окружили изумленные извозчики, очень немногочисленные. Вид прибывших иностранцев поразил их так сильно, что в первое мгновение они даже не приставали к нам. Когда они узнали, что мы едем в Винчи, изумление их возросло, но через минуту они ко всему привыкли и неистово галдели и спорили, стараясь содрать с нас как можно больше.

Мы наняли колымагу у старика-извозчика, который поехал переменить лошадь — она у него едва держалась на ногах и не годилась для долгого пути — а мы отправились пешком в единственную гостиницу Эмполи — гостиницу Солнца (Albergo del Sole) — чтобы позавтракать.

Эмполи — городок чистенький и очень обычный. Белые, довольно высокие, дома, узкие улицы, вымощенные плоскими четверугольными камнями, площадь перед красивым, но ничем не замечательным Duomo — собором, цирюльники без дверей, за полосатыми занавесками, горы зелени на лотках продавщиц-старух с укрепленными гигантскими зонтиками, сухой и ясный стук деревянных башмаков по камням — а за городом, вдали, белые-белые, как мел, дороги, освещенные белым, жидким светом солнца в нежаркий, ветреный день...

В столовой, под высокими сводами, в нижнем этаже гостиницы, мы позавтракали какой-то рыбой на оливке, неизбежными макаронами “con burro”, причем это знаменитое «burro» тоже имело

запах оливки. Хлеб был безвкусен, как солома. Вся Италия ест хлеб без соли и маленькие булочки на французский манер, которые подаются в отелях больших городов, здесь невиданны. В столовой гостиницы Солнца пахло сыростью, и не было ни малейшего солнца, так что мы были очень рады, когда хозяин объявил о прибытии нашего извозчика.

У крыльца уже собралась равнодушно-любопытная толпа. Слышалось усиленное цоканье деревянных башмаков и переливчатый, однообразный гомон несдержанных речей — “gumogé”, неизбежная принадлежность всех итальянских городков, совершенно свободных, большею частью, от стука колес. Этот гомон — “gumogé”, слияние шелеста шагов и гула грубоватой итальянской речи, несколько раз в течение суток то поднимается и разрастается, как морское волнение, то успокаивается и отчасти замирает. Наибольшей силы он достигает часам к трем, четырем ночи в базарные дни. В минуту нашего отправления в Винчи я этого не знал и еще надеялся на спокойный ночлег в гостинице Солнца.

Мы уселись. Лошадь была получше, но над экипажем висел низкий балдахин на четырех железных столбах с болтающейся кругом бахромой, которая весьма мало позволяла видеть.

— Нельзя ли снять зонтик? — робко попросил я извозчика.

Начался невообразимый галдеж. Подошел хозяин, потрогал столбы, понюхал их для чего-то и, обратившись ко мне, строго и серьезно объявил, что снять нельзя, что нужно для этого разбирать весь экипаж, а для того чтобы собрать его вновь, нужно только три часа. Через минуту мы уже выехали из города. Холмистые горизонты открылись по обеим сторонам дороги. Мы ехали дальше, холмы незаметно поднимались, за ними, очень далеко, чувствовались горы. Иногда мы слезали и шли пешком. По краям желтой дороги росла негустая и неяркая трава. И все кругом было неяркое, очень тихое, зеленовато-серое. Поля с бледными колосьями, бесконечные виноградники с еще плохо распутившимися листьями и среди этих полей и виноградников, повсюду, в равном расстоянии одна от другой, такие же бледные, узколистые оливы, с их коленчатыми крепкими стволами. Они не колебались от ветра и бросали на поля тонкие, сплетенные, паукообразные тени. Кое-где, на фоне уже показавшихся, тоже сероватых, гор резко выделялись черные, узкие кипарисы. Я вспомнил, что видел точно такие кипарисы, черные, как уголь, в флорентийском музее, на картине «Благовещенья», которая приписывается Леонардо.

Серые горы все вырастали. Мы поднимались, дышалось вольнее и легче. Опять оливы и бледные поля, перерезанные черными линиями кипарисов, кое-где белые домики — поселки, дороги, идущие вправо и влево, образок Мадонны в белом камне с выдолбленной скамьей и зажженной лампадой...

За последним крутым поворотом перед нами сразу открылось Винчи. Тут уже почти не было ровного места. Холмы перешли в горы, равнина в холмы. И на одном из холмов, небольшом и остром, уместилось Винчи. Тонко и легко поднималась узкая башня старинной крепости. Ветер свежел, это было начало холодного и звонко-ясного трамонтано.

— Куда я должен везти синьоров? — обратился к нам извозчик.

В Винчи не было ничего даже напоминающего гостиницу, и мы решили отправиться к синдикю, синьору Мартелли, к которому профессор дал нам карточку.

Все обошлось прекрасно. Синдик, еще молодой, полный, слегка страдающий одышкой, принял нас весело и радушно. Впрочем, в красивом домике своем не оставил, а повел в Муниципалитет, тяжелое каменное здание на главной и единственной улице Винчи. Он принес нам из архива все сочинения, брошюры, издания, касающиеся Винчи как родины Леонардо. Через час, когда синдик должен был окончить свои служебные дела, мы собирались все вместе поехать в Анкиано.

Винчи — небольшая деревушка, с простыми белыми домами в два этажа. Полуразрушенная крепость — на холме. Нижняя часть крепости превращена в жилище. Анкиано, истинное месторождение Леонардо, отстоит от Винчи на два или полтора километра, дорога тяжелая, почти все время в гору. Во времена Леонардо Анкиано было небольшим поселком. У въезда тогда существовал кабачок, где служила мать Леонардо, Катарина Катабрига. Теперь этого поселка больше нет. Остался один дом при дороге, не очень старый, похожий на все деревенские дома той местности, в два этажа, беловато-серый, окруженный виноградниками. Можно предположить, впрочем, что тут сохранилось кое-что из старого: украшение камина в средней комнате, закоптелого, черного, — поражает изящной и тонкой отделкой. У профессора Уциелли я видел рисунок этого угла.

Одного из хозяев знаменитого дома мы застали в винограднике. Синьор Мартелли, наш любезный синдик, знал их всех отлично, и мы немедля вступили в разговор с анкианцем. Он копал землю, был одет очень бедно, хотя не неряшливо, с чистыми и аккуратными заплатами на холщовой рубахе, в высокой поярковой шляпе. Лицо у

него было простое, слегка **насмешливое**, похожее на лицо русского человека, с длинной рыжеватой бородой. Он почти не удивился нам, принял нас с радушной снисходительностью и пригласил в дом. В средней комнате, общей для трех живущих в доме семей, было просторно, хотя темновато. Несколько женщин с детьми поклонились нам. Девочки-подростки у окна, ловко и быстро перебирая руками, плели из соломы длинные ленты, из которых делают шляпы. Я не мог понять, как они умещаются все, чужие и свои. Пожилой крестьянин, встретивший нас в винограднике, с доброй улыбкой объяснял мне это, женщины показывали комнаты. Комнаты все очень просторны, хотя низковаты. Стоят две большие, почти квадратные постели, с чистыми, очень аккуратными одеялами. Одна постель — супружеская, другая — для детей семьи. Наверху — целая комната отведена старику, главному в семье, которого все очень почитают. Я потом рассуждал с ним долго и был удивлен: он говорил о Леонардо и Микеланджело с истинным знанием дела. У старика была такая же аккуратная и широкая постель, у изголовья на стене висело маленькое распятие, образок Мадонны и какой-то листик с латинской молитвой. В низких окнах этой почти пустой комнаты не было стекол, только ставни. Несмотря на не мягкий климат, здесь далеко не во все окна вставляют рамы.

Мы вернулись в среднюю комнату. Там, на большом деревянном столе, окруженном лавками, уже стояло вино, фиги и хлеб. Хозяева пили с нами и много говорили. Над столом, на трех веревочках, висела лампада, длинная, с одним узким концом. На очаге что-то грелось, и угли красным светом обливали снизу мраморный, нежный завиток камина и эту странную лампаду, напоминающую прежние времена.

Мы решили на другой день, переночевав в Эмполи, опять приехать сюда и сделать рекомендованное нам Уциелли путешествие на гору Альбано.

— О, это нелегко, взойти на Альбано, но какой вид! По ту сторону видна вся долина Омброне, Арно. Как жаль, что я не могу подниматься на горы, я нездоров... Я бы тоже пошел с вами. Но вы сделайте это непременно, — уговаривал нас синьор Мартелли.

Пока же мы отправились к дороге на Альбано. Дорога была точно крута и камениста. На первом повороте мы сели. Нас окружали малорослые корявые дубы с сухими прошлогодними листьями. Мелкие пахучие цветы растения «scoppa», бледные дикие фиалки, анютины глазки, неуловимый запах не то полыни, не то весны, не то каких-то неведомых горных трав... Внизу, под

нашими ногами, белел домик Анкианы. Волнистые горизонты уходили, понижаясь к стороне Эмполи. А направо, дальше, голые каменистые горы поднимались в небо, с извилистыми тенями и серыми пропастями.

— Посмотрите на Винчи, — сказал Мартелли. — Не правда ли, отсюда оно похоже на осиное гнездо?

Винчи было все перед нами, на противоположном холме. День уже склонялся к закату, на солнце набегали тучи. Винчи было совсем черное, такое же черное, как два жестких кипариса на анкианской дороге. Остро подымалась узкая башня крепости.

Вероятно, все было так же во времена, когда босоногий Леонардо сопровождал свою мать в какой-нибудь поселок на дороге Альбано. Так же, во дни весны, здесь росла обильная scorra и беловатые фиалки, так же сухо шелестели дубы сморщенными листьями, так же сумрачно серело Монте-Альбано и над черным Винчи остро подымалась башня крепости...

Всю обратную дорогу из Винчи в Эмполи мы молчали. Ветер становился злее. Смеркалось. Я едва взглянул на подозрительного хозяина в гостинице Солнца, согласился на первую предложенную комнату и, усталый, наскоро принялся за холодный и скверный обед.

Однако меня охватила невольная дрожь, когда я вошел в эту приготовленную мне комнату. Она была громадна, темна, сыра, холодна, с ободранными обоями. Посредине стояла кровать под желтым балдахинном, такая широкая, что на ней, вероятно, удобнее было поместиться поперек. Толстые, грубые простыни чуть не дымились от сырости. В головах лежало что-то небольшое, длинное, очень твердое вместо подушки.

Нечего делать, надо было как-нибудь устроиваться. Хозяин каждую минуту приотворял дверь и глядел на меня недоброжелательными, черными глазами. Мне и лицо его казалось разбойничьим.

Я подошел к двери, хотел закрыть ее на ключ, и увидел, что замка нет.

Я кое-как заставил дверь стульями и бросился в постель, как бросаются, купаясь, в холодную воду, и тотчас же заснул.

Меня долго тревожило что-то во сне и даже, открыв глаза, всматриваясь в темноту, я не понимал, что со мною, где я. Раскаты приближающегося грома, землетрясение, грохот колесниц, буря на далеком море, гул тысячи голосов — что это такое? Я вскочил и зажег свечу. Должно быть, на улице несчастье, пожар, или, в самом деле, землетрясение... Я хотел кричать, несмотря на холод, распахнул окно... Ничего. Огня не видно. Люди шелестят, цокают

и галдят, но в гаме нет никакой тревожности, он тягучий, упорный, однообразный. Уже брезжило утро. Окно мое выходило на площадь. Я подумал, подумал — и понял. Это просто «gusto». Обычное «gusto», быть может, еще завтра базарный день. Они всегда так. Надо покориться.

Я опять лег и, после мучительных усилий, заснул.

— Синьор желает кофе с молоком и хлебом?

Я открыл окно. Светило солнце, опять белое, небеса были ясными и холодными, с фиолетовыми краями даже в это раннее утро. Я понял, что, вероятно, трамонтано усилился.

Действительно, ветер оказался очень неприятным. Кучер, когда мы сказали, что хотим идти на Монте-Альбано, неодобрительно покачал головой. Ехали мы до Винчи очень медленно. Ветер не рвал и не метал, он дул с ровной силой и, однообразно свистя, леденил члены. Но мы надеялись, что идти, особенно в гору, будет теплее.

Опять поля, редкие колосья, облетающие маки, оливы, — крепкие, черные сучья которых сегодня коротко вздрагивали от ветра. Мы проехали Винчи, не останавливаясь. Мелькнули большие окна Муниципалитета, белый, мраморный бюст Леонардо около дверей школы. Очень скверный бюст, кстати сказать. Синьор Мартелли показывал его нам накануне с большим смущением, повторяя, что он знает, какой стыд иметь в Винчи подобное изображение Леонардо. Почтенный синдик даже рассказал нам историю этого бюста, очень длинную, с любопытной враждой между устроителями школы и синдикатом. Подробности совершенно ускользнули из моей памяти.

На половине дороги между Винчи и Анкиано есть небольшое поместье какого-то графа. Красивый дом смотрит весело из-за высокой изгороди, сплошь покрытой розами. Кипарисы и черные, непопадающие дубы бросают тени на крыльцо, выходящее к самой дороге. Накануне, проезжая в Анкиано, я видел на этом крыльце девушку, очень миловидную. Она была одета просто, как крестьянка, с платком, перекрещенным на груди, в синем переднике, и вязала чулок. Она подняла глаза. Я заметил узкое, совершенно бледное лицо, свежее без румянца, ровно-матовые, как уголь, волосы и такие же черные, без блеска, глаза, точно затененные слишком длинными ресницами. Может быть, служанка в анкианском кабачке, мать Леонардо, была похожа на эту бледную и тонкую девушку? И молодой флорентийский нотариус, домовладелец из Винчи, обратил на нее внимание...

Сегодня крыльцо было пусто, и я не видел больше моей красавицы. Ветер дул беспощадно и обрывал розы с изгороди.

Наше восхождение на Альбано действительно оказалось нелегким. Дорога, каменистая и крутая, шла без извилин наверх, между сухим кустарником, скопкой, корявыми дубами, печальными от неопавших листьев. Пустынные, близкие горы налево, отдаленные, казалось, от дороги только узкими пропастями, серые вчера — сегодня, под дыханьем ветра, были совсем лиловые, холодные. Ветер бил в лицо и слепил глаза. Камни обрывались из-под ног и катились вниз. Нам встретилось несколько крестьянских домиков с жидкими виноградниками кругом. Мы отдышали на низком и широком каменном заборе — и шли дальше. Белое здание школы наверху, похожее не то на маяк, не то на обсерваторию, с башенкой, виднелось еще высоко над нами. Оттуда, говорили нам, можно взглянуть на долину по ту сторону Альбано, на далекие пизанские горы. Оттуда есть спуск прямо во Флоренцию, очень трудный.

Ветер был так силен, что невозможно было надеяться на прозрачность воздуха, и мы шли не для вида, а просто потому, что странная отрада была в этом восхождении. Как будто человек с трудом побеждал лиловые, нахмуренные горы, облитые ветром, и взор становился все длиннее и острее, потому что почти с каждым шагом раздвигался горизонт.

Не доходя немного до белого здания, мы присели отдохнуть у дороги, под защитой высокого камня, почти скалы. Противоположную долину еще нельзя было видеть, но все широкое пространство по направлению к Винчи и Эмполи лежало перед глазами, и там, куда уже взгляд не хватал, затуманивалось лиловатой, седеющей мглой. Сначала — горы, холодные, с широкими тенями, уступами и провалами, потом, дальше, волны тающих холмов. И везде — пространство, пустота, воздушность. Узкая горная дорожка не чувствуется, все время кажется, что медленно, с неосязаемой плавностью, летишь над этими падающими горизонтами на гигантских крыльях. Крылья здесь кажутся необходимыми, родными и естественными. И то, что их нет, — вызывает в душе удивление и страх, как у человека, сразу лишившегося ног. Леонардо родился здесь, провел детство на этих дорогах. И всю жизнь ему казалось обидой и невозможностью, что у птиц есть крылья, и нет их у людей.

На высоте весны почти не чувствовалось. На деревьях не было ни одной почки, даже трава не зеленела. Пахло пронзительно влажным мохом и какими-то сухими, горными былинками. Мы решили сделать последнее усилие, встали и пошли к белому зданию на самой горе, в нескольких шагах от нашего привала. На открытом месте ветер удвоил свою злость, и эти последние шаги показались

нам самыми мучительными, тем более, что на вершине было гораздо менее красиво, чем на нашем привале под скалой. Ветер превратился в вихрь и едва позволял открыть глаза. Обрывистая долина по ту сторону едва синела где-то далеко под нашими ногами. Все сливалось и стиралось во мгле. Опять на мгновение чувство необходимости и естественности полета, вольного движения над землей, охватило меня. Ветер усиливал это чувство. Точно рои невидимых, быстрых и злых птиц пролетали мимо, трепеща и свистя сильными, громадными крыльями...

Мы остались в темноватой комнате школы недолго. Толпа детей смотрела на неожиданных гостей с нелюбезным любопытством, болтливая учительница говорила не в меру. Нам дали кислого вина. Мы не допили его, поспешили проститься и быстро пустились в обратный путь.

Наш извозчик ждал в Анкиано. Внизу нам показалось теплее и приветливее. Вчерашний крестьянин с рыжей бородой ласково поклонился. Лошадь побежала бодро. В Винчи мы заехали проститься с синьором Мартелли, но его не было дома. Мы должны были торопиться, чтобы попасть в Эмполи к вечернему флорентийскому поезду.

Становилось все холоднее, хотя ветер, видимо, падал. Солнце, близкое к закату, желтело, почти краснело. Кипарисы под его густыми лучами казались совсем темными, угольными. Я смотрел назад, где еще виднелось Винчи, порою скрытое за холмами. Удаляющиеся горы казались теперь яркими и прозрачными, похожими на аметистовые. И когда в последний раз мелькнула перед поворотом черная, скромная деревушка, прекрасная и странная на бледно-фиолетовом поле гор со своей острой и тонкой башней, у меня сжалось сердце. Так бывает больно при разлуке с любимым человеком.

Флоренция
1896

Примечания

...*Густаво Уциелли (Gustavo Uzielli)*... — известный итальянский историк, гарибальдиец. Годы жизни: 1839—1911.

...“*Ricerche intorno a Leonardo da Vinci*”. — В пер. на рус. яз. — «Исследования вокруг Леонардо да Винчи» (см. ниже).

Он повествовал сразу и о Леонардо, и о Тосканелли, которым отдал жизнь... — См., в частности: *Uzielli G. Ricerche intorno a Leonardo da Vinci. Firenze; Roma: Tip. Salviucci, 1872–1884; Uzielli G. Leonardo da Vinci e tre gentildonne milanesi del secolo 15. Pinerolo: Tip. sociale, 1890; Uzielli G. La vita e i tempi di Paolo Dal Pozzo: ricerche e studi, con un capitolo sui lavori astronomici del Toscanelli di Giovanni Celoria. Roma: Tip. di Forzani e C., 1894; Uzielli G. Colloquio avvenuto in Firenze nel luglio 1459 fra gli ambasciatori del Portogallo e Paolo dal Pozzo Toscanelli. Roma: Società geografica italiana, 1898.*

...piazza Michel Angelo. — Площадь Микеланджело во Флоренции.

...башня Палаццо Веккио. (Палаццо Веккьо) — Одна из главных достопримечательностей Флоренции, Palazzo Vecchio (в пер. с ит. — Старый дворец), построенная в 1299–1314 гг. на площади Синьории.

...выходя из-за черных древесных сеней Каццины, вился Арно... — Имеется в виду итальянская коммуна Кашина (Cascina), расположенная вдоль реки Арно.

...поезде-омнибусе... — пассажирский поезд, идущий со всеми остановками, в отличие от скорых поездов и экспрессов.

“Empoli” — название итальянской коммуны (в рус. произношении — Эмпольи), которая располагается в регионе Тоскана, недалеко от Флоренции.

...“con burro”... — с маслом (*ит.*)

...“rumore”... — шум (*ит.*)

Я вспомнил, что видел точно такие кипарисы, черные, как уголь, в флорентийском музее, на картине «Благовещенья», которая приписывается Леонардо. — Картина Леонардо да Винчи «Благовещение» (Annunciazione), созданная в 1472–1475 гг., с 1867 г. хранится в музее Уффици (Флоренция).

...трамонтано. — принятое в Италии (от “tramontana” — «из-за гор») название холодного северного и северо-восточного ветра.

...Анкиано. — селение, где, согласно одной из версий, 15 апреля 1452 г. родился Леонардо; расположено недалеко от Винчи.

Полуразрушенная крепость — на холме. — Вероятно, речь идет о замке графов Гуиди (Castello dei Conti Guidi), в котором уже в XX в. был открыт музей Леонардо да Винчи.

...Катарина Катабрига. — По мнению современных исследователей, М. Кемпа и Дж. Палланти, мать Леонардо да Винчи звали Катерина ди Мео Липпи. Она была крестьянкой и сиротой, соблазненной молодым нотариусом Пьеро да Винчи. Спустя восемь месяцев после рождения сына была выдана замуж за Антонио ди Пьеро Бути дель Вакка, известного под солдатским прозвищем

Аккадбрига (в пер. с ит. — «спорщик»). Подробно см.: *Kemp M., Pallanti G. Mona Lisa: The People and The Painting*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Литература

Записные книжки и письма Д.С. Мережковского / Публ. Е.А. Андрущенко, Л.Г. Фризмана // *Русская речь*. 1993. № 4. С. 30–35; № 5. С. 25–40.

Мережковский Д.С. Записная книжка. 1919–1920 // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николокина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 53–81.

Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М.Ю. Кореновой // *Русская литература*. 1991. № 2. С. 156–181.

Соболев А.Л. Д.С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 31–50.

Холиков А.А. «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д.С. Мережковского // *Toronto Slavic Quarterly*. 2016. № 57. P. 11–25.

Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.

Холиков А.А. Эпистолярное и связанное с ним наследие Д.С. Мережковского (материалы к библиографии) // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин; Литфакт, 2018. С. 565–571.

References

Kholikov A.A. “Autobiograficheskaya zametka” i strategiiia samosotvoreniya vo vtorom prizhiznennom “Polnom sobranii sochinenii” D.S. Merezkhkovskogo [“Autobiographical note” and the strategy of self-creation in D.S. Merezkhkovsky’s second lifetime “Complete Works”]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2016, no. 57, pp. 11–25. (In Russ.)

Kholikov A.A. Epistoliamoe i sviazannoe s nim nasledie D.S. Merezkhkovskogo (materialy k bibliografii) [D.S. Merezkhkovsky’s epistolary and related legacy (materials for bibliography)]. *D.S. Merezkhkovskii: pisatel’ — kritik — myslitel’*: *Sbornik statei* [D.S. Merezkhkovsky: writer — critic — thinker: A collection of essays], comp. by O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018, pp. 565—571. (In Russ.)

Kholikov A.A. *Prizhiznennoe polnoe sobranie sochinenii Dmitriia Merezkhkovskogo: Tekstologiya. Istoriiia literatury. Poetika* [Dmitrii Merezkhkovsky’s lifetime Complete Works: Textual Criticism. Literary History. Poetics]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2014. 344 p. (In Russ.)

Merezhkovskii D.S. *Zapisnaia knizhka. 1919–1920* [Notebook. 1919–1920]. Merezhkovskii D.S. *Tsarstvo Antihrista: Stat'i perioda emigratsii* [The kingdom of Antichrist: Articles of the émigré period], comp., comment. by O.A. Korostelev and A.N. Nikolyukin. St. Petersburg, Russian Christian Institute for Humanities Publ., 2001, pp. 384–403. (In Russ.)

Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.P. Pertovu [D.S. Merezhkovsky's letters to P.P. Pertsov], intro., publ. and notes by M.Yu. Koreneva. *Russkaia literatura*, 1991, no. 2, pp. 156–181. (In Russ.)

Sobolev A.L. D.S. Merezhkovskii v rabote nad romanom "Smert' Bogov. Yulian Otstupnik" [D.S. Merezhkovsky working on the novel "Death of Gods. Julian the Apostate"]. *D.S. Merezhkovskii: Mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovsky: Thought and word]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 5–18. (In Russ.)

Zapisnye knizhki i pis'ma D.S. Merezhkovskogo [D.S. Merezhkovsky's notebooks and letters], publ. by E.A. Andrushchenko, L.G. Frizman. *Russkaia rech'*, 1993, no. 4, pp. 30–35, no. 5, pp. 25–40. (In Russ.)

“The Village of Vinci” by D.S. Merezhkovsky: from the creative history of the novel about Leonardo

© 2018, Alexey Kholikov

Abstract: Among the publications of D.S. Merezhkovsky, which the author did not include in his books and collected works, is a little-known essay «The Village of Vinci», written during the author's joint travel with Z.N. Gippius and A.L. Volynsky “in the footsteps of Leonardo da Vinci” in 1896. It occupies an intermediate position between the writer's artistic texts (whose autobiographical potential is really great, but its extraction in each case requires caution) and its documentary heritage (mostly epistolary). But the main thing is that this text was never reprinted or supplied with a scientific reference apparatus. It is valuable not only from the biographical point of view (if it is compared with other ego documents, among which are memories of the trip of Merezhkovsky's satellites, significant discrepancies, inaccuracies, varying degrees of detail are detected), but also in the textual aspect, to study the creative history of the second part of the trilogy “Christ and Antichrist”. “The Village of Vinci” is printed in the first and only edition: *Cosmopolis*, 1897, no. 2, pp. 94–106. With the subtitle “From the travel diary” and the editorial note: “This excerpt from the diary refers to the author’s preparatory work for the future of his novel, from the life of Leonardo da Vinci. He gives the tone of the picture, which should depict the youth of this hero of the Renaissance”. The published essay and notes to it will be included in the small academic “Collected Works” by D.S. Merezhkovsky in 20 volumes.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, A.L. Volynsky, “The Resurrected Gods (Leonardo da Vinci)”, autobiographical prose, the creative history of the text.

Information about the author: Alexey Kholikov, Doctor of Philology, assistant professor, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia.

E-mail: aakholikov@gmail.com.

Citation: Khlokov Alexey. “The Village of Vinci” by D.S. Merezhkovsky: from the creative history of the novel about Leonardo. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 294–313.